
АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА
СЕРИЯ ЕГИПЕТ

ГЕРМАН КЕЕС

**ЗАУПОКОЙНЫЕ
ВЕРОВАНИЯ
ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН**

*От истоков и до исхода
Среднего Царства*

Журнал • Нева

Санкт-Петербург

2005

ББК 63.3(0)1

К33

К33 Кеес Герман

Заупокойные верования древних египтян. От истоков и до исхода Среднего Царства / Пер. с нем. И. А. Богданова; Под научн. ред. А. С. Четверухина. — СПб.: Изд-во «Журнал „Нева“», 2005. — 496 с., ил.

ISBN 5-87516-055-1

Книга Германа Кееса (1866–1964), одного из позднейших представителей немецкой египтологической школы, выдержала со дня своего выхода несколько изданий и не потеряла актуальности и до сих пор. Хронологические рамки исследования — от древнейших времен до конца Среднего Царства. Изложение подкреплено многочисленными и подробно комментируемыми цитатами из «Текстов пирамид», «Текстов саркофагов», «Книги мертвых», что помогает читателю глубже понять быт, способ мышления и мироощущение древних египтян, народа, подарившего миру великих философов и богословов.

На русский язык переведено впервые.

Для специалистов и всех, интересующихся историей Древнего Востока и мировой культуры.

Перевод осуществлен по изданию:

Hermann Kees. Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Ägypter. Grundlagen und Entwicklung bis zum Ende des Mittleren Reiches. Berlin: Akademie-Verlag, 1977.

© И. А. Богданов, перевод, 2005.
© Издательство «Журнал „Нева“»,
оформление, 2005.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
I. Источники	15
II. Истоки заупокойных верований и боги мертвых	23
III. Вечные силы в богах и людях.	57
IV. Загробный и земной мир в эпоху Старого Царства	95
V. Загробный мир царя на небесах.	107
VI. Предпосылки загробного блаженства	153
VII. Развитие заупокойных верований по свидетельствам частных гробниц. Старое Царство	168
VIII. Осирис	206
IX. Гераклеопольский период	
1. Приметы времени	250
2. Притязания покойного на царскую власть: по «фризам предметов» на саркофагах и спискам жертвоприношений	257
3. «Тексты пирамид» и их предназначение.	264
4. Саркофаги и ковчег загробной веры.	279
5. Отражение представлений о небесном загробном мире царя	286
6. Людские желания.	314
7. Осирис по «Текстам саркофагов»	353
X. Осирис в Верхнем Египте в эпоху Среднего Царства	
1. Возвышение Абидоса	359
2. Мистерии Осириса	370
XI. Заупокойный культ в провинции в начале Среднего Царства	396
XII. Заупокойный культ в период расцвета Среднего Царства. Столичные некрополи и провинция	405

Оглавление

ХIII. Путеводители по загробному миру	450
Заключение	474

**Перечень цитируемых или вновь переведенных
фрагментов религиозных текстов**

«Тексты пирамид»	476
«Тексты саркофагов»	481
«Книга мертвых».	485
Список сокращений	488

*Курту Зете
с неизбывной благодарностью
посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Египтяне во все времена слыли народом, тесная связь которого с миром мертвых, забота об их погребении и существовании после смерти были наиболее впечатляющими символами страны. Любой посетитель Нильской долины вновь и вновь ощущает это: нигде в мире нет столь мощных гробничных комплексов, нигде — такого преобладания Города мертвых над местами обитания живых. Жилые районы Нильской долины, царские дворцы и городские здания рассыпались в прах, а заупокойные храмы царей, не уступавшие в роскоши и величии храмам богов, как и сотни гробничных комплексов всех периодов, продолжают поражать наше воображение. Они должны были пережить время, и они преодолели его. Это можно сказать равным образом и о так называемых мастабах, сложенных из камня в некрополях эпохи пирамид в Гизе и Саккаре (в окрестностях древней столицы — Мемфиса), и о бесчисленных скальных гробницах поздних эпох в Городе мертвых на западе Фиванского некрополя.

Все самое существенное, что мы знаем о жизни древних египтян, происходит из царства мертвых, тогда как жилые поселения рассказали нам гораздо меньше. Это происходит почти как нечто само собой разумеющееся, хотя то, что для понимания жизни надо идти в места смерти, едва ли воспринимается естественно.

Когда же мы попадаем в богато оформленное культовое пространство какой-нибудь гробницы, жизненные картины на стенах предстают перед нами в такой разнообразии, в такой

достоверности, ясности и привлекательности, что мы порой забываем, что находимся в гробнице. Покойный предстает перед нами изображенным как за своими повседневными занятиями — за трапезой, на поле, на охоте или за игрой, так и в виде статуи, также находившихся в гробницах. Все это настолько впечатляет, что в большинстве гробниц Старого Царства, если не обращать внимания на жертвенники и на шествия жрецов и игнорировать надписи с заупокойными молитвами, мы едва ли обнаружим признаки, намекающие на предназначение данного места. И это — у того самого народа, который всю жизнь думал о смерти и для которого возведение гробниц было важнее обустройства собственного жилья?

Это замечали часто, но гораздо реже серьезно доискивались до причин того, что наложило на египетский национальный характер такой своеобразный штамп. И все же каждый, кто побывал в Египте и оценил его, не мог этого не заметить.

Своеобразие страны захватывало и древних, и современных ее посетителей.

Поражает ее величие и спокойствие всех форм, бескрайняя линия горизонта, подчеркнутая линией ландшафта, истинное однообразие и неизменность. На голубом небе, изо дня в день безоблачном и ясном, солнце совершает свой обычный путь, а на темном ночном появляются луна и звезды. И картина ландшафта, узких полос плодородных земель в низинах широкой реки, и строгие силуэты пальм — все это подчеркивает удивительное постоянство.

И я понимаю, почему людям, которые находят бессмысленным отправляться в долгий поход, путешествие по Нилу уже через несколько дней может показаться скучным.

Эта размеренность и должна была повлиять на формирование национального характера, а безбрежность — способствовать тому, что египтянин и в духовном смысле смотрел далеко за пределы видимого пространства. И то и другое помогало выработке специфического менталитета египтян.

Они никогда не были ни особенно темпераментным, ни воинственным народом. У них было больше самонадеянности, нежели силы. Как и нынешний феллах, древнеегипетский земледелец был несколько тяжел на подъем, боялся беспорядка и смуты, любой но-

визны и при этом был склонен к созерцательности и радостям бытия.

Древние египтяне часто кажутся нам педантами в своем стремлении разместить каждую вещь на своем месте, а любой опыт утвердить как устав. В результате часто укоренялся поверхностный вывод: проявляющаяся всеобщая дисгармония не поддается объяснению внутренними причинами. И все же постоянство ощущалось как норма. Да еще и высказывалось соображение, что всяких «примитивных» людей нельзя считать способными на что-либо! Ведь там, где вся природа жила столь размеренной жизнью, разве не то же самое должно было происходить и с судьбой человека? А смерть разве не всего лишь переход¹, как закат солнца вечером, как спад Нила в сезон сухости, как высыхание растительности?

И если египтянин задумывался о жизни после смерти и потому заполнял гробницы сплошь картинами земной жизни, то не верил ли он, что это должно сохраниться без изменений и в каком-то «потустороннем мире»? Или он думал так много и так часто о потустороннем мире просто потому, что земная жизнь воспринималась им как нечто неизменное, а это не допускало и мысли о том, что когда-нибудь он может быть ее лишен?

Пожалуй, можно понять, что царь приказывал осуществить грандиозное строительство своей пирамиды или выкопать бесконечные ходы и покои в ходе многолетней работы в скале лишь с тем, чтобы предотвратить падение своей божественной власти. Но какая польза была бедному и убогому в ритуальном погребении, если ему и после смерти было так же плохо? Придумывал ли он в таком случае средство улучшить свою долю?

При чтении затем замечательной молитвы позднего времени, как раз того периода, когда античные писатели знакомились с духовной жизни египтян, мы окажемся в сфере мистицизма. Этот замечательный фрагмент заимствован нами из заупокойного папируса, вероятно, периода XXVI династии, времени египетского

¹ «Смерть не свершившийся факт, но лишь переходное состояние» (Lecuw G. van der. *Phänomenologie der Religion*. Tübingen, 1933. S. 185).

Ренессанса. Он представляет собою молитву за здоровье и благоденствие покойного:

«Жертва, что дает царь! Ра-Хорахти, владыка великого чертога, и великая эннеада богов в Вавилоне (Старый Каир), да позволят они подняться тебе в ладью Нешмет, чтобы тебе было хорошо: чтобы ты пожаловал на ее праздник в округе Поге (Абидос), чтобы ты воздал молитву Осирису, чтобы ты принял его жертву, чтобы ты был чист среди обитателей Запада. Затем тебя ставят во главе священных обителей. Ее свита — она радуется твоему взгляду. Венки повешены тебе на шею на торжества праздника Уаг. Твое имя произнесено на праздник 6 и 15 дня месяца, что будут справляться до конца времен. Да увидишь ты Ра при его восходе и Атума при его закате. Да воссоединишься ты с превосходными душами, в то время как они <...> открывают тебе пути, чтобы ты не замедлил своего хода. Ты выходишь иходишь, радостный сердцем, чтобы достигнуть мест возвышенных. Ты приведен к богу без препятствий и присоединяешься к слугам Хора. Ты здоров и доволен в ладье вечерней, и сердце твое ликует в ладье утренней. Ты созерцаешь Атона (Солнце), чьи лучи над покоями, его лучи освещают (и) шахту твоей гробницы, когда он появляется над тобой. Земля (?) простирает свои руки, чтобы принять тебя, и страна Запада приветствует тебя. Сосуды твоего тела полны, твоя душа просветлена, а твое имя живет в вечности. Итак, ты вечен и не можешь погибнуть. Ты один следуешь богу как единственный, кто проник в его свиту. Затвор врат преисподней открыт для тебя — того, кто стремится к реке на своей волне. Ты пьешь воду перед ладьей Нешмет на ее празднике в округе Поге. Ее хлеб, пиво, скот и гуси даны тебе, а твое тело принимает одеяния из рук двух сестер. Ты погребен в гробнице, которую ты создал себе сам, так что твой сын на твоём месте».

Любые попытки привести все это в какую-либо систему оказываются беспомощными: разрозненные противоречивые изречения позволяют дать лишь два толкования: либо они несут в себе сокровенный смысл, либо это набор формул с содержанием, далеким от реальности.

Древность, находясь под впечатлением от Египта и его культуры, столь странным для нее, отрицала возможность увидеть глупо-

чайшие тайны в том, постижение чего было доступно только избранным. Современная наука, напротив, обнаружила то, что древние формулы скрывают в себе, вперемешку с цитатами, которые наслаивались на них в течение столетий. А это было скорее равнозначно вынесению осуждающего приговора.

Конечно, это было свойственно египетской культуре, по крайней мере в эпоху ее упадка. Ведь то была эпоха, когда с египтянами уже познакомились греки, а они могли внести много рационального в египетскую религию, полагая, что к тому времени она была подобна пестрой мозаичной скорлупе, в которой утрачено зерно. Но, с другой стороны, этот признак, который при научном подходе можно было бы назвать недостатком логики, проявляется везде в течение всего времени существования религиозной литературы. Его можно обнаружить и в древнейших дошедших до нас текстах заупокойного характера, наносившихся на стены царских пирамид уже с V династии.

И одно из самых выдающихся качеств египтян заключается в том, что этот народ не мог забыть «Тексты пирамид» в течение всей своей долгой истории. Благодаря преемственности традиции с древнейших времен формулы из них мы встречаем вплоть до позднейших периодов египетской религии. Ни одно представление никогда не заменяется на противоположное и никогда не устраняется вовсе. Новое лишь робко шагает следом до тех пор, пока теологическая мысль не рискнет объединить их любыми средствами, очевидной ли игрой слов, или же намеком, апеллирующим к мистическому сознанию слушателя. Так или иначе, но использование подобный ход более чем 3000-летнего развития религиозных представлений привел к непостижимому беспорядку.

Казалось бы, можно сказать, что египетская религия исторического периода бессистемнее других религий, или, при желании, следовать софистике древних жрецов, что она подходит любой системе и что это та свобода, которой и нынешние люди искусства чрезмерно злоупотребляют.

Компромисс за компромиссом! Нельзя ли предположить, что египетский народ в один прекрасный момент пожелал отбросить балласт устаревшего блага, чтобы найти нечто определенное?

Кое-кто попытался это сделать — философствующий хлюпик на фараонском троне, помешанный на размышлениях об истине религиозный фанатик Аменхотеп IV (Эхнатон), которому судьбой было предназначено завладеть мировой державой. Из-за этого он стал чужд собственному народу как никто другой, почему и был заклеямен в конце концов как «смутьян из Амарны». Откуда же появилась эта своеобразная склонность египетского менталитета, это судорожное цепляние за традицию?

«На веки веков» — пожалуй, нигде более в мире эта фраза не встречается в надписях столь часто, как в Египте. Во всех занятиях египтян усматривается бесконечность и вечность. Строит ли он храмы и пирамиды, вырезает ли Анналы на твердом камне или же педантично записывает четко сформулированные договоры и уставы — все это делается из страха оказаться забытым. В зависимости от времени и обстоятельств это может выражаться и более материально. Например, царь приказывает возвести огромную постройку не только для того, чтобы угодить богу, которому посвящает храм, но и (что посвятельные надписи фиксируют достаточно четко) для того, чтобы его имя (или, как надеялся египтянин, «доброе имя») могло жить вечно. Т. е. именно посмертная слава о его деяниях, о его правильном образе жизни является тем, что продолжает жить на земле. По той же причине он перечисляет в своей гробнице также и свои титулы и заслуги, чтобы люди, входящие в культовое помещение, их читали, вспоминали о его власти и добродетели и произносили для него заупокойную молитву. В этом отношении египтянин весьма остро ощущает то, что он сам бессмертен до тех пор, пока его имя живет и после смерти. Не случайно имя для египтянина — это часть бытия. А гробница, конечно, также является памятником, увековечивающим его имя.

Ни один народ на земле вплоть до наших дней, дней торжества бумаги, не писал так много, как древние египтяне. Уже ко временам строителей пирамид, к так называемой эпохе Старого Царства, возникает многочисленный и вымуштрованный корпус чиновников. Египтянина в школе приучают считать профессию писца (чиновника) идеальной, а жизненные правила, которые он читает и заучивает, проповедуют раз за разом: внимание на опыт, брать при-

мер с опытного, следовать мудрости опытной старости! Ни в одном государстве, ни у одного народа, ни в одной культуре не было ничего более консервативного. Сама вечно неизменная природа как раз и оказала решительное влияние на правила жизни. Едва ли в какой-то другой стране климат влиял на все явления жизни сильнее, нежели в Египте. Но так же отчетливо, как на «вечное, неизменное», это указывало и на незначительность повседневного существования по сравнению с господствующими силами природы, на ничтожность земной жизни.

По ту сторону склонов голых окраинных возвышенностей, *джебеля*, которые не заливаются половодьем, но откуда просматривается узкая долина Нила с ее плодородными землями, в желтых песках пустыни лежат мертвые — там, где лишь собака и шакал роются в свежих захоронениях. За границей пустыни, «красной земли», как ее называли египтяне, лежит царство смерти. Здесь и человек, и животное испытывают жажду и голод, именно здесь фантазия египтянина нашла разнообразных враждебных демонов и фантастических зверей. Скалы пограничных холмов — это единственное в египетском ландшафте, где проявляются фантастические формы. Этот символ смерти под палящим солнцем упрямо возвышается над любой картиной египетского ландшафта.

Те же самые обстоятельства, что сделали египтянина ревностным почитателем традиции, заставили его и задуматься о смысле земной жизни. Так же, как увядает и вновь оживает трава, солнце клонится к закату, чтобы поутру подняться вновь, а Нил спадает и опять разливается в полную силу, затопляя страну, так и земная жизнь могла быть всего лишь эпизодом, который не прерывается смертью до конца. Она есть лишь перерыв, подобный сну, или результат воздействия враждебных сил, которые проявляются и в жизни природы². Поэтому мысли египтян и были обращены к мертвым сильнее, чем у любого другого народа. Живой тратил больше времени на возведение своей гробницы, своего «дома вечности», как он его называл, чем на строительство своего жилья в городе.

² Sander-Hansen C. E. Der Begriff des Todes bei d. Ägyptern. Kopenhagen, 1942.

Оно могло сооружаться из материала непрочного, из глины и дерева, как в первобытные времена, а вот гробница нужна была для удовлетворения вечных потребностей. Не случайно в египетском языке одно из наиболее употребительных слов для вечной жизни являлось производным от обозначения заупокойного комплекса.

И так сложилось, что именно Осирису, богу, с трагизмом человеческой судьбы которого с древнейших времен связывалась разнообразная природная символика, выявлявшая в цикле гибели и обновления растительности свидетельство вечной жизни, было суждено стать богом мертвых у египтян, а в конце концов и воплощением идеи бога-вседержителя. Перед ним тускнел даже блеск вечного бога солнца, ибо именно Осирис смог подчинить себе жизнь и смерть, и, следуя ему, живущий на земле должен был служить «вечному» владыке. Во всем этом заключена великая закономерность. В этом смысле мы признаем и законную правоту приговора древности о глубокой мистичности египетской теологии. Даже если форма зачастую и запутанна, а образ кажется нам странным, в кажущемся противоречии лежит глубокий смысл.

К тому же понимание религии не столь уж зависит от систематизированной ясности. Напротив, чем сложнее кажется ее учение для понимания, чем бессознательнее ее пренебрежение земным разумом, тем больше возможностей понять степень ее воздействия. Так, стройность системы солнечной религии Аменхотепа IV оказалась несостоятельной, а синкретическая религия Позднего Царства с ее изрядно сложными спекуляциями пленила даже греков и создала жрецам славу глубоких мудрецов.

Именно бог Осирис, о котором уже Рамсес IV говорит в своем гимне, что «он счел его характер более сокровенным, чем у всех прочих богов», оказался способен вырваться благодаря своему мистериальному культу за пределы страны. Культурная легенда о нем стала нам известна подробнейшим образом из греческого источника — трактата Плутарха «Об Исиде и Осирисе». И разве многие люди, которые ставят себя вне всяких религий, не ищут и сегодня «удивительное»?

Значение, которое египтяне придавали бессмертию, естественно, поражало и греков. Из-за того, что египетская духовная культура заслужила преувеличенно высокую оценку, почти все греческие мыслители время от времени бывали в Египте, а там, в Гелиополе, Мемфисе, Саисе или Себенните, могли перенять от египетских жрецов и их достижения. И потому они даже само возникновение учения о бессмертии человеческой души связывали с Египтом.

Уже Геродот в 123 главе своей 2-й книги свидетельствует: «Египтяне также первыми стали учить о бессмертии человеческой души. Когда умирает тело, душа переходит в другое существо, как раз рождающееся в тот момент. Пройдя через [тела] всех земных и морских животных и птиц, она снова вселяется в тело новорожденного ребенка. Это круговращение продолжается три тысячи лет. Учение это заимствовали некоторые эллины, как в древнее время, так и недавно. Я знаю их имена, но не называю» (перевод Г. А. Стратановского. — *Ред.*).

Заметим: постулаты, т. е. бессмертие души и представление о ее перевоплощениях, очерчены верно. Но философская оболочка, сама система, являются греческими, даже если предпочтение в ее открытии отдать египетской мудрости. Геродот явно намекает в своем комментарии на учение Пифагора о бессмертии и на встречающееся у Эмпедокла, а позднее оформленное Платоном учение о переселении душ с его 3000-летним периодом очищения, которое было на самом деле чуждо египетским воззрениям.

Позднее всем названным философам их соотечественниками приписывается подверженность египетскому влиянию, и лишь в отдельных случаях среди тех, кто учил о бессмертии, приводятся халдеи и индийские маги (Павс. I, 32,4). И у греческих авторов, и у христианских писателей формулируется идея о том, что греческое учение о переселении души и ее перевоплощениях, опять же со ссылкой на Пифагора и Платона, было заимствовано у египтян³.

³ Ср.: Zimmermann F. Die ägypt. Religion nach d. Darstellung d. Kirchenschriftsteller u. d. ägyptischen Denkmäler. Paderborn, 1912. S. 179 ff.

Герман Кеес. Заупокойные верования древних египтян

Так, Евсевий в своем сочинении «О богоявлении»⁴ утверждает: «под влиянием египтян он (Платон) говорит, что, по его мнению, она (душа) меняет много разных тел, и тела людей сливаются с природой вещей». А Эней из Газы в своем трактате «Феофраст, или Об бессмертии души»⁵ говорит: «...египтяне верят, что одна и та же душа может принимать форму человека, коровы, собаки, птицы или рыбы. Если она пребывает в образе наземного животного, муравья ли, верблюда ли, то затем обращается рыбой, например акулой или анчоусом в море, а потом, приняв птичий облик, например галки или соловья, она взлетает в воздух, всегда представляясь иным животным. Наконец, пройдя через смену всех (животных форм), она возвращается в ту форму, из которой появилась первоначально». Аполлон и его сын Платон имели такую же точку зрения. Очевидно, здесь выражен, в сущности тот же самый взгляд на египетское учение о переселении душ, что и у Геродота.

Наша задача — на основании египетских свидетельств сформулировать основные понятия египетских представлений о смерти и жизни в загробном мире. Поэтому мы будем заниматься исследованием форм культа, погребального ритуала и эволюции оформления гробницы в меньшей степени, нежели их духовными предпосылками.

Конечно, мы обязаны использовать в качестве иллюстрации к данным письменных источников и сопутствующий археологический материал, тем более, что по древнейшим периодам он предоставляет нам уникальные данные. В остальном же египетская религиозная литература кажется настолько содержательной, что в большинстве случаев нам остается лишь приводить изречения самих египтян. И путь нам предстоит проделать сквозь густую чащу различных представлений, напоминающую то и дело реликтовый лес.

⁴ По изд.: *Gressmann H. Altorientalische Texte u. Bilder zum Alten Testamente / in Verbindung mit Arthur Ungnad und Hermann Ranke hrsg. von Hugo Gressmann. Bd. II. Tübingen, 1909. S. 44 (98).*

⁵ По изд.: *Hopfner Th. Fontes historiae religionis Aegyptiacae / Collegit Theodorus Hopfner. Bonnæ, 1922–1925. P. 676–677.*